

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1996

УДК 378.661:93

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

Курс теоретической медицины... В работах отечественных исследователей, посвященных истории медицинского факультета Московского университета, ни о самой теоретической медицине, ни о преподавании такого курса, как правило, даже не упоминается. В ряде публикаций можно встретить лишь замечания о том, что после возвращения С. Г. Зыбелина из-за границы ему было поручено чтение теоретической медицины и что в 1765/66 учебном году он приступил к преподаванию такого курса¹. Кроме констатации этих фактов, каких-либо других сведений в отношении теоретической медицины нам обнаружить не удалось.

Справедливости ради, отметим, что термин "теоретическая медицина" встречается в немногих из сохранившихся документов, отражающих деятельность медицинского факультета Московского университета в XVIII веке, нечасто. В расписаниях лекций, например, значительно чаще указывались названия дисциплин, составлявших в тот период теоретическую медицину². Вероятно, это и явилось причиной того, что интерес и внимание исследователей были прикованы не к курсу в целом, а к преподаванию отдельных составляющих его дисциплин — физиологии, патологии, терапии, гигиены. К тому же такой ракурс рассмотрения в гораздо большей степени соответствовал современному авторам характеру преподавания этих дисциплин — в рамках самостоятельных кафедр.

Однако такой подход к изучению и описанию преподавания теоретических медицинских дисциплин в рамках университетской подготовки медиков в XVIII веке не только привел к значительным искажениям исторической правды, но и поставил перед исследователями ряд вопросов, на которые они

не смогли дать ответа. Так, например, И. В. Пионтковский сетовал на то, что невозможно понять, почему в течение ряда лет на медицинском факультете не читалась патология³. Г. А. Колосов отнес к существенным недостаткам работы факультета в XVIII веке положение, при котором ряд важнейших дисциплин читался одним профессором⁴. А в юбилейном сборнике "175 лет Первого Московского государственного медицинского института" содержится совершенно беспрецедентное по своей бездоказательности заявление, что датой открытия кафедры физиологии и патологии Московского университета следует считать 1776 г.⁵ Примеры можно было бы и продолжить. К их анализу мы еще вернемся. Сейчас же отметим, что практически все подобные вопросы либо полностью снимаются, либо легко разрешаются с позиций преподавания единого профессорского курса теоретической медицины. И в данном случае речь идет не о какой-то абсолютно оригинальной позиции авторов настоящей статьи, каком-то искусственно избранном ракурсе рассмотрения проблемы. Таковы были реалии XVIII века. Курс теоретической медицины, включавший преподавание либо отдельных вопросов из физиологии, патологии, диететики, терапии, либо сами эти дисциплины, читался, особенно в первой половине 18-го столетия, на медицинских факультетах большинства европейских университетов. Достаточно вспомнить, что Г. Бургаве с 1701 по 1715 г. был профессором теоретической медицины Лейденского университета⁶. И если говорить о позиции авторов, то она заключается лишь в том, чтобы рассматривать преподавание тех или иных дисциплин с точки зрения представлений и реалий изучаемой эпохи.

¹См., например, Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1995. — С. 31; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова / В кн.: Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 8.

²Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 97—129.

³Пионтковский И. В. Кафедра патологической физиологии / В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 142.

⁴Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Советская клиника. — Т. XVII. — № 2—3. — 1932. — С. 136.

⁵Молчанова О. П., Кекчеев К. Х. Кафедра нормальной физиологии / В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 107.

⁶Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. 9 (V). — СПб., 1891. — С. 12.

Итак, что же представляла собой теоретическая медицина в XVIII веке. Прежде всего отметим, что теоретическая медицина в отличие от всех остальных полидисциплинарных курсов, читавшихся на медицинских факультетах университетов в XVIII веке, — анатомии и хирургии, химии и практической медицины — являлась одновременно и одним из разделов медицины, объединявшим все существовавшие тогда врачебные науки и была тем самым научной базой врачебного искусства.

Мы не оговорились, именно научной, хотя в историко-медицинской литературе принята и получила широкое распространение иная оценка теоретической медицины XVIII века в целом и отдельных составлявших ее дисциплин. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф, Л. Мороховец, Л. Менье и др., делая основной акцент на ее умозрительном характере, чаще всего косвенно, а иногда и прямо противопоставляют теоретическую медицину опытно-экспериментальному знанию, удельный вес которого в медицине на протяжении XVIII века прогрессивно увеличивался. Само по себе такое противопоставление, конечно, возможно, но наукой при этом именуется познание здорового и больного человеческого организма только с помощью опытов и экспериментов. Так, например, руководствуясь этим подходом, Л. Мороховец выделял в истории физиологии, патологии, гигиены донаучные и научные этапы развития⁷. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф в своей "Истории медицины" указывают, что только экспериментальные исследования У. Гарвея и А. Галлера подняли физиологию "до высоты истинной науки"⁸. Л. Менье, анализируя открытия, совершенные в различных областях медицины на основе проведения опытов, экспериментов, вскрытий и т. п., приходит к заключению, что их внедрение в учебный процесс на медицинских факультетах европейских университетов сделало медицинское образование XVIII века "более научным"⁹.

Но соответствие методологии научного поиска сегодняшним представлениям не может служить критерием научности или антинаучности, в особенности если речь идет об иной культурной эпохе.

XVIII век — последнее столетие сосуществования двух типов культур — современной и близкой нам культуры чувственной и идеациональной культуры средневековья. В каждой из этих культур существовало свое представление о том, что такое наука.

Средневековую науку характеризует представление об истине веры, веры в то, что все сущее создано Богом, и в изначальную целесообразность этого созданного. Окружающая действительность воспринималась и рассматривалась человеком средневековья не как объективная реальность, а как символ Божества. Как следствие, целью средневековой науки как одного из средств постижения всего сущего были выявление и констатация символов Бога, попытка постичь мудрость Создателя. Вместо характерного для современной науки чувственного объективизма в основе аргументации средневекового ученого лежал принцип субъективной достоверности¹⁰. Именно здесь находятся истоки отвлеченного умозрительного теоретизирования врачей позднего средневековья и нового времени, в том числе и XVIII века, строивших свои рассуждения на основе изначальной, ничем не подтвержденной, с современной точки зрения, идеи. Правда, во многом эти идеи и отдельные положения были заимствованы из классических произведений Гиппократов и Галена. Но для средневековой науки и культуры, осколки которой сохранял в себе XVIII век, это не было слепым следованием догматам канонических текстов. Штудирование и заучивание наизусть текстов Гиппократов и Галлена составляло в средние века один из элементов научного поиска, как бы дико это ни звучало для современного читателя. Канонические источники также рассматривались как символ и откровение Создателя, а потому их изучение представляло собой научное исследование¹¹.

Доскональное изучение классических работ древних авторов, канонизированных церковью, сохранялось на медицинских факультетах европейских университетов и на протяжении почти всего XVIII века. Об этом, в частности, свидетель-

ствует перечень литературных источников, рекомендованный в 1767 г. профессором Лейпцигского университета Х. Г. Людвигом для использования в качестве основы преподавания теоретических медицинских дисциплин. В нем наряду с новейшими учебниками и руководствами А. Галлера и И. Гауба значатся произведения Гиппократов и Галена¹².

Чувственная культура привнесла в науку XVIII века опыт, эксперимент, статистически достоверное наблюдение, секционный метод исследования и т. п. Но тогда данные, полученные с помощью наших органов чувств, не оказывали столь значительного влияния на умы ученых. Они, безусловно, играли весьма существенную роль, но использовались главным образом как звенья в цепи логических построений, исходивших из априорной идеи. Суть научного поиска в 18-м столетии сводилась не только к установлению и объяснению новых фактов и явлений, но и к попыткам уложить вновь обнаруживаемые данные в уже существовавшие умозрительные теоретические построения.

В качестве примера приведем полемику между А. Галлером и И. Гаубом по одному из основополагающих вопросов тогдашней теоретической медицины — "о причинах союза частей человеческого тела", которая как нельзя лучше показывает роль эксперимента в науке XVIII века. На основе опытов по сжиганию костей А. Галлер пришел к выводу, что причиной "союза" являются жидкость и особый клей, "состоящий по большей части из воды и из масла"¹³. И. Гауб придерживался иной точки зрения, полагая, что "твердость" телу придают земляные частицы, и в качестве подтверждения своей позиции привел опыты по окуриванию дымом мяса, которое от удаления воды "крепчайшим делается". В отношении же исследований А. Галлера он писал, что наблюдавшееся им "рассыпание в мелкую пыль" костей после сжигания связано с тем, что при воздействии пламени из кости удаляются не только вода и "клей", но также соли и земляные частицы¹⁴.

Из приведенного примера хорошо видно, что умозрительная теоретическая медицина XVIII века широко использовала опыт и эксперимент для окончательного формирования тех или иных суждений. Более того, во второй половине XVIII века даже стали появляться учения, в основе которых лежали теоретические представления, тесно связанные с результатами опытно-экспериментальных исследований. Так, например, учение Куллена строилось на разработанных А. Галлером феноменах чувствительности и раздражимости¹⁵.

Теоретическая медицина XVIII века, вопреки мнению ряда современных авторов, не только не препятствовала развитию опытно-экспериментального знания, но и обеспечивала принципиальную возможность его развития через постановку научных проблем и подготовку специалистов, обладавших достаточными знаниями в области изучаемых явлений и владевших методологией тогдашней науки, в том числе и методами опытно-экспериментальных исследований.

Именно знания в области теоретической медицины делали врача-теоретика врачом, работа которого всегда исследовательский процесс. Именно поэтому получить высокое звание "medicum purum" — врача можно было только после окончания медицинского факультета университета, где теоретическая медицина всегда составляла значительную часть подготовки и читалась в возможно полном объеме. Именно поэтому на протяжении большей части 18-го столетия все еще сохранялось различие между врачами и хирургами¹⁶, подготовка которых в специальных учебных заведениях только со второй половины XVIII века стала предусматривать изучение теоретической медицины или составлявших ее дисциплин. Именно в объеме преподавания теоретической медицины, в том значении, которое придавалось этому курсу, заключалось одно из основных отличий медицинского факультета Московского университета от отечественных госпитальных школ, выпускники которых, если не отправлялись в европейские университеты, то в лучшем случае становились дивизионными врачами.

Вплоть до середины XVIII века теоретическая медицина не только читалась на медицинских факультетах европейских

⁷ Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903. — С. 58; 122; 247.

⁸ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 320; 362.

⁹ Менье Л. История медицины. — М. — Л., 1926. — С. 180.

¹⁰ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. — М., 1980. — С. 406; 411—412.

¹¹ Там же. — С. 429—430.

¹² Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae Praelectionibus Academicis accommodata. — Lipsiae, 1766.

¹³ Зыбелин С. Г. Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей из того крепости в теле человеческого / В кн.: С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М., 1954. — С. 86—87.

¹⁴ Там же. — С. 88—89.

¹⁵ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 366.

¹⁶ Там же. — С. 399.

университетов как единый профессорский курс, но и по существу являлась единой научной дисциплиной, имевшей несколько различных предметов изучения. В первую очередь об этом свидетельствуют использовавшиеся для ее преподавания учебники. Согласно Х. Г. Людвигу¹⁷, ими были труды Гиппократа, Галена и Бургава, объединявшие в себе все вопросы, отнесенные позднее к физиологии, патологии, диететике, терапии.

Разделение теоретической медицины на отдельные предметы преподавания и формирование самостоятельных теоретических медицинских дисциплин, или, точнее, теоретических врачебных наук, начинается под влиянием работ А. Галлера¹⁸ и И. Гауба¹⁹, явившихся авторами фактически первых специальных фундаментальных руководств соответственно по физиологии и патологии. Следующим шагом на пути к окончательному разделению теоретической медицины стало создание Х. Г. Людвигом первой системы учебных руководств по теоретической медицине, состоявшей из отдельных учебников по физиологии²⁰, патологии²¹ и терапии²².

Еще одним, хотя и косвенным свидетельством того, что теоретические врачебные науки второй половины XVIII века в недавнем прошлом были составными частями единого целого, служат содержащиеся в ряде учебных и научных публикаций, датированных 1750—1760 гг., различные структурные классификации этих дисциплин под общей рубрикой "медицина теоретическая". А бросающиеся в глаза различия этих классификаций в свою очередь подтверждают незавершенность к этому времени процессов разделения теоретической медицины и формирования предметов изучения практически каждой из теоретических врачебных наук. Так, по Х. Г. Людвигу, теоретическими врачебными науками, составлявшими теоретическую медицину, являлись: физиология, включавшая собственно физиологию, физиологическую семиотику и диететику; патология и терапия²³. И. Гауб рассматривал этот вопрос иначе. Все теоретические врачебные дисциплины он разделял на две в достаточной степени условные группы, названные им: "гигиеной" и "ятрией". К гигиене, "то есть науке о соблюдении здоровья", И. Гауб относил физиологию, физиологическую семиотику и диететику, но в отличие от Х. Г. Людвига считал их уже самостоятельными науками. "Ятрию", по И. Гаубу, составляли патология, патологическая семиотика и терапия²⁴.

Как видно из приведенных мнений, к началу 60-х годов XVIII века самостоятельными медицинскими дисциплинами были признаны, пожалуй, только физиология, патология и терапия. О физиологии XVIII века подробно будет сказано ниже. Предмет изучения патологии как научной дисциплины уже в середине XVIII века в целом соответствовал современным представлениям: "Все то, что о свойстве, различиях, причинах и действиях болезней знать надобно. — Читаем мы у И. Гауба. — Сия наука патологию (то есть наукою о болезнях) называется"²⁵. Что же касается терапии, а также других частей теоретической медицины, еще не получивших общепризнанного статуса самостоятельных врачебных наук, — диететики и гигиены, то круг изучаемых ими вопросов существенно отличался от того, что сегодня рассматривается в рамках этих научных дисциплин. Так, терапия, или "генеральной терапией", называлась наука, "заклучавшая" в себе "способы врачевания в болезнях и образ правильного их употребления"²⁶. Она состояла из двух разделов: "Пропедевтики, в коей излагаются отношения врача к Науке, Больно-

му, другим Врачам и Публике, и теория лечения" и "Методологии, излагающей способы лечения"²⁷.

Диететика представляла собой научную дисциплину, изучающую и разрабатывающую "способы и правила к должайшему, благополучному сохранению жизни и здравия"²⁸. Диететика XVIII века таким образом, во-первых, была ориентирована прежде всего на здоровье человека (лечебные диеты и диететические предписания как один из "способов лечения" рассматривались и преподавались на медицинских факультетах в рамках терапии), а во-вторых, касалась не только вопросов пищевого рациона, но и всех аспектов физической и психической деятельности человека, качества воздуха, воды, влияния климатических условий²⁹. И при этом она рассматривалась либо как одна из частей физиологии, либо как отдельная дисциплина в рамках гигиены. Последняя же, по И. Гаубу, в середине XVIII века еще не имела собственного предмета изучения. Он складывался из предметов исследования сразу трех дисциплин: физиологии, физиологической семиотики и диететики.

Порядок преподавания теоретических врачебных наук на медицинских факультетах европейских университетов также свидетельствует о том, что в ходе их изучения у студентов должно было сформироваться целостное представление о теоретической медицине. Такого положения, как с курсом анатомии и хирургии, когда на протяжении одного цикла обучения каждый год анатомия преподавалась зимой, а хирургия летом, т. е. обе дисциплины читались параллельно в рамках единого профессорского курса³⁰, быть не могло. Составлявшие курс теоретической медицины дисциплины были не только тесно взаимосвязаны, но и достаточно жестко соподчинены и преподавались в более или менее строгой последовательности. И. Гауб особо подчеркивал, что хотя "гигиена" и "ятрия" "равномерно нужны, и неразрывно между собою сопряжены, но по порядку науку о соблюдении здоровья (Hygiene) наперед толковать должно"³¹.

Именно в этой последовательности на протяжении всего XVIII века читалась теоретическая медицина на медицинском факультете Московского университета. "Семен Зыбелин, — читаем мы в расписании лекций за 1765/66 учебный год, — читать будет Медицину теоретическую..., начиная от Физиологии, показывающей состояние тела человеческого здравое, и присовокупляя к ней Семиологию физиологическую и Диететику, которая окончив начнет Патологию и Семиологию, а напоследок и Терапию генеральную"³². То же мы видим и в расписании лекций за 1766/67 учебный год³³. В дальнейшем в каком-либо одном расписании лекций все теоретические врачебные науки вместе уже не назывались, а их преподавание объявлялось последовательно на каждый следующий учебный год в расчете на трехлетний цикл обучения на факультете: первый год — физиология и физиологическая семиотика, второй — физиология, диететика и патология (патологическая семиотика), третий — патология и терапия³⁴. Именно поэтому в ряде расписаний лекций медицинского факультета Московского университета XVIII века не встречается преподавание либо патологии, либо физиологии, либо терапии.

Однако вернемся к состоянию теоретической медицины в Европе в XVIII веке и рассмотрим вопрос о том, что же поддерживало взаимосвязи теоретических врачебных наук, особенно во второй половине столетия, в условиях приобретения ими все большей самостоятельности. Основным объединяющим фактором являлся общий для всех теоретических врачебных наук метод исследования. Наличие основополагающей априорной умозрительной идеи коренным образом отличало эти науки от естественных наук — анатомии, химии, ботаники, зоологии, минералогии. Но такой фактор

¹⁷Ludwig Ch. G. Цит. соч.

¹⁸Haller A. *Primae lineae Physiologiae usum Praelectiones Academicum auctrae et emenlate.* — Göttingen, 1747; *Elementa Physiologiae Corporis Humani.* — Vol. 1—5. — Lausanne, 1757—1762; Vol. 6—8. — Bern, 1764—1766.

¹⁹Gaubius H. D. *Institutiones pathologiae medicinales.* — Leyden, 1758.

²⁰Ludwig Ch. G. *Institutiones Physiologie cum praemissa introductione in universam medicinam Praelectionibus Academicis accomodate.* — Lipsiae, 1752.

²¹Ludwig Ch. G. *Institutiones Pathologiae Praelectionibus Academicis accomodate.* — Lipsiae, 1767.

²²Ludwig Ch. G. *Institutiones Therapiae generalis Praelectionibus Academicis accomodate.* — Lipsiae, 1765.

²³Ludwig Ch. G. *Institutiones Physiologiae cum praemissa introductione in universam medicinam Praelectionibus Academicis accomodate.* — Lipsiae, 1752.

²⁴Гаубий Г. Д. Начальные основания врачебной патологии, то есть науки о свойстве, причинах, припадках и различиях болезней, в человеческом теле случающихся: Пер. П. Гофмана. — СПб., 1792. — С. 5—6.

²⁵Там же. — С. 5.

²⁶Там же.

²⁷Лебедев К. Руководство к общей терапии. — М., 1841. — С. 23.

²⁸Гаубий Г. Д. Цит. соч. — С. 5.

²⁹Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. XVIII (35). — СПб., 1896. — С. 201.

³⁰Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание анатомии, хирургии и акушерства на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. V. — 1995. — С. 113.

³¹Гаубий Г. Д. Цит. соч. — С. 5.

³²Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 101.

³³Там же. — С. 102.

³⁴Там же. — С. 91—93.

объединения в XVIII веке уже не мог долгое время являться надежной основой. Баланс между элементами отживавшей средневековой культуры и бурно развивавшейся культурой чувственной был весьма непрочен. Опыт и эксперимент неуклонно продолжали завоевывать себе позиции ведущей формы научного познания и уже во второй половине XVIII века это коснулось и теоретической медицины. Правда, в этот период кардинальные изменения, связанные со сменой основного метода научных исследований, произошли только в физиологии.

Остановимся подробнее на истории физиологии как науки и университетского предмета преподавания второй половины XVIII века. И здесь прежде всего необходимо отметить, что физиология XVIII века имела не только отличный от современного метод, но и предмет изучения, которым являлся организм человека как единое и неделимое целое. Ни в одном из известных определений физиологии как теоретической врачебной науки нет ни слова об изучении в рамках этой дисциплины функций отдельных органов. Так, например, по И. Гаубу, "Физиологией или естественным называется" часть теоретической медицины, которая рассматривает "расположение человеческой машины, свойство, причины, и действия жизни и здоровья"³⁵. Особо отметим, что под "расположением человеческой машины" в этом контексте понималось отнюдь не анатомическое строение тела. Ответ на вопрос о содержании этого термина дает другое определение физиологии, данное профессором Московского университета М. И. Скиаданом, читавшим курс теоретической медицины, в расписании его лекций на 1786/87 учебный год: "преподавать будет по руководству Бургава Медицинскую Физиологию, которая изъясняет состав твердых и свойства жидких частей человеческого тела, с зависящими от них в здравии действиями, предлагает о причинах жизни и здравия"³⁶. Под причинами и свойствами "жизни и здравия" в свою очередь подразумевалось рассмотрение таких вопросов, как, например, уже указанный выше вопрос о "причине союза частей (читай соков, жидкостей, различных частей. — Авт.) тела между собой". И упоминаемый неоднократно в расписаниях лекций медицинского факультета Московского университета раздел физиологии "Специальная физиология"³⁷ не должен вводить в заблуждение. Соответствующий раздел учебника по физиологии Х. Г. Людвиг — "Physiologiam specialem sistit et complectitur" — свидетельствует, что под "специальной физиологией" понималось изучение не функций органов и систем, а теоретическое осмысление и толкование с тех или иных умозрительных позиций отдельных процессов жизнедеятельности организма в целом, таких как дыхание, питание, рост и развитие, произвольная и произвольная двигательная активность и т. п. В ходе изложения и рассмотрения этих процессов данные о функционировании различных органов, безусловно, привлекались, но использовались лишь в качестве звеньев при формировании цепи логических построений.

Изучение законов и механизмов функционирования отдельных органов и систем человеческого тела являлось на протяжении большей части XVIII века предметом анатомии. "Анатомия, — говорил И. Ф. Эразмус в 1765 г. в своем "Слове о противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых", — показывает всех частей человеческого тела вид, положение, соединение, строение и употребление"³⁸. Опытнo-экспериментальное изучение функции органов на основе точного знания морфологического субстрата, получившее еще в XVII веке мощный импульс к развитию после выхода в свет классических работ У. Гарвея, составляло значительную часть тогдашней анатомии, так называемую функциональную анатомию.

Попытки объединить предметы и методы изучения физиологии и функциональной анатомии предпринимались еще в XVII веке. Однако, несмотря на то что ятромеханические и атрофические представления и концепции были широко распространены в медицине в конце XVII — начале XVIII века, они не получили всеобщего признания. Реальное сближение этих двух направлений научных физиологических исследований начинается во второй половине XVIII века под влиянием работ А. Галлера.

³⁵Гаубий Г. Д. Цит. соч. — С. 5.

³⁶Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 110—111.

³⁷Там же. — С. 102; 103.

³⁸Эразмус И. Ф. Слово о противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых. — М., 1765. — С. 16.

Историческая заслуга А. Галлера состоит в первую очередь в том, что ему впервые удалось на основе экспериментально установленных данных объяснить один из важнейших вопросов теоретической физиологии — о причинах и механизмах "органического процесса движений"³⁹. Тем самым он не только внес значительный вклад в развитие функциональной анатомии и физиологии, но и показал эффективные механизмы их сближения. В его трудах⁴⁰, ставших основными источниками для преподавания физиологии на медицинских факультетах европейских университетов во второй половине XVIII столетия, нашли отражение и, что особенно важно, органичное сочетание как все богатство теоретической мысли первой половины XVIII века, так и перспективность примененного им самим на практике строгого естественнонаучного подхода; физиология органов и систем и физиология процессов жизнедеятельности целостного организма.

Показанная А. Галлером принципиальная возможность с помощью опытно-экспериментальных исследований разрешать не только проблемы, связанные с функционированием отдельных органов, но и более общие вопросы физиологии привела к тому, что уже в последней четверти XVIII века связи физиологии с функциональной анатомией стали носить гораздо более выраженный характер, нежели с теоретическими врачебными науками. На медицинских факультетах европейских университетов преподавание физиологии выделяется из курса теоретической медицины, и она начинает читаться вместе с анатомией, составляя единый анатомо-физиологический предмет. "Анатомия с Физиологиею, — писал в начале 1780-х годов Н. М. Максимович-Амбодик, — суть сопряжены весьма тесным союзом, и одна без другой, либо весьма малую, либо вовсе никакой пользы не приносят"⁴¹.

С формированием целостного анатомо-физиологического предмета, с установлением неразрывной связи функции и структуры начинается постепенное вытеснение из физиологии умозрительного теоретизирования как одной из форм научного познания. Именно с этого времени отвлеченные рассуждения начинают противопоставляться точному знанию на основе достоверных многократно проверенных фактов. "Физиология есть наука великой важности и обширного пространства, — отмечал М. Пекэн в своем учебнике по физиологии, — она утверждается самыми достоверными наблюдениями учиненными над здоровыми и немощными человеками, повторительными опытами нарочно деланными над животными, и благоразумным употреблением и присвоением физических правил с действиями происходящими в теле человеческом. Многие же части сей науки еще неозарены довольным светом и основаны единственно на умственных положениях"⁴².

Описанные процессы в отношении изменения места физиологии в структуре медицинских знаний, ее содержания как науки и предмета преподавания наблюдаются и на фактах истории медицинского факультета Московского университета. Но начавшись по сравнению с Европой на 4 десятилетия позднее, они на протяжении XVIII века не успели прийти к своему логическому завершению — формированию единого анатомо-физиологического предмета. Кафедра анатомии и физиологии была организована в Московском университете только в XIX веке, и ее создание не столько отражало естественный ход совершенствования преподавания этих дисциплин в университете, сколько явилось переносом европейского опыта, отраженного в соответствующих параграфах университетского устава 1804 г.

Первые шаги, направленные на изменение традиционного для середины XVIII века преподавания физиологии в курсе теоретической медицины, начатого на медицинском факультете Московского университета с первых лет его работы, были предприняты только в конце 80-х — начале 90-х годов. В 1789/90 учебном году М. И. Скиадан ввел чтение физиологии по Галлеру⁴³, а в 1792/93 учебном году Ф. Ф. Керестури зна-

³⁹Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 364.

⁴⁰Haller A. Primae lineae Physiologiae usum Praelectiones Academicum auctae et emendatae. — Göttingen, 1747; Elementa Physiologiae Corporis Humani. — Vol. 1—5. — Lausanne, 1757—1762; Vol. 6—8. — Bern, 1764—1766.

⁴¹Максимович-Амбодик Н. М. Анатомо-физиологический словарь. — СПб., 1783. — С. IV—V.

⁴²Пекэн М. Физиология или наука о естестве человеческого. — СПб., 1788. — С. XIX.

⁴³Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 114.

чительно расширил объем преподавания функциональной анатомии в рамках своего курса анатомии и судебной медицины. "А дабы точнее определить действия многих частей одушевленного тела, — читаем в расписаниях лекций с 1792 по 1803 г., — то покажет строение оных частей и в животных разного рода, почему для деления анатомико-физиологических опытов будет иногда рассекать живых животных"⁴⁴. Еще раз подчеркнем, что речь здесь идет именно о функциональной анатомии, а не о преподавании целостного анатомо-физиологического предмета. Во-первых, потому, что параллельно с курсом Ф. Ф. Керестури физиология продолжала читаться в рамках теоретической медицины⁴⁵, а во-вторых, из приведенной цитаты ясно видно, что Ф. Ф. Керестури излагал вопросы функционирования только отдельных органов.

Что же касается направленности и содержания преподавания других врачебных наук, составлявших курс теоретической медицины, то они в целом соответствовали европейским образцам. О методике преподавания курса теоретической медицины на медицинском факультете Московского университета уже говорилось выше. Профессорами, читавшими этот курс в Московском университете на протяжении XVIII века, являлись С. Г. Зыбелин (1765—1768), И. А. Сибирский (1769—1778 или 1779), И. И. Вечь (1776—1779), М. И. Скиадан (1779—1802) и Ф. И. Барсук-Моисеев (1796—1803)⁴⁶. Возможно, в число названных профессоров должен быть включен и профессор химии и практической медицины И. Х. Керштенс, хотя в отечественной историко-медицинской литературе его имя в связи с преподаванием теоретических медицинских дисциплин не упоминается. Основанием для такого предположения служит расписание его лекций на 1764/65 учебный год, в котором указывалось, что "Иоганн Христиан Керштенс... изложит... соблюдения правил здоровья, как это предписывает Цельс в первой книге /труда/ "О медицине"⁴⁷. "Соблюдения правил здоровья...", по Гаубу, составляли предмет изучения диететики или гигиены. Материалы, изложенные в книге I труда Цельса "О медицине"⁴⁸, также посвящены вопросам, относившимся в XVIII веке к диететике или гигиене, т. е. к теоретическим медицинским дисциплинам. Мы не располагаем какими-либо другими документами, позволившими бы со всей определенностью утверждать, что начало преподавания теоретической медицины на медицинском факультете Московского университета было положено И. Х. Керштенсом. Но тот факт, что И. Х. Керштенс собирался ввести преподавание такого курса или отдельных составляющих его дисциплин, не вызывает сомнения, особенно если принять во внимание его позицию в отношении необходимости чтения теоретической медицины в рамках университетской подготовки медика⁴⁹.

Начиная с С. Г. Зыбелина, вне зависимости от профессора, читавшего блок теоретических врачебных наук, преподавание курса теоретической медицины велось под руководством только двух авторов — Г. Бургаве и Х. Г. Людвига, причем второй являлся прямым последователем первого. Связывать это с трудностями смены основного источника преподавания, когда такая замена относилась к исключительной компетенции Университетской конференции, вряд ли справедливо. Данные о преподавании хирургии, анатомии, практической медицины, химии на медицинском факультете Московского университета свидетельствуют о том, что хотя никто даже из ординарных профессоров не имел права самостоятельно избирать себе основной источник преподавания, Университетская конференция достаточно часто утверждала новые более соответствовавшие требованиям времени и состоянию развития той или иной дисциплины учебные пособия⁵⁰. Надо полагать, что если бы вопрос о замене руководств Х. Г. Людвига и Г. Бургаве был поставлен кем-либо из

профессоров, читавших теоретическую медицину, то он, несомненно, решился бы положительно. Ведь добился же М. И. Скиадан разрешения на преподавание физиологии по Галлеру, а позже Ф. И. Барсук-Моисеев той же физиологии по Блюменбаху. Скорее всего такой вопрос на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке попросту не возникал.

Маловероятна и версия о том, что все профессора теоретической медицины Московского университета полностью разделяли позиции Г. Бургаве. Во всяком случае, достоверно известно, что, например, И. И. Вечь был представителем другой школы. Окончив в 1770 г. Венский университет, он в течение нескольких лет учился у знаменитого парижского врача и исследователя Т. Борде и получил весьма солидную подготовку в области теоретической медицины, позволившую ему позднее приобрести "славу ученого физиолога" в Германии⁵¹. Т. Борде в свою очередь был известен в Европе, главным образом, как один из наиболее непримиримых критиков Г. Бургаве и сторонник витализма⁵².

Причины столь длительного использования одних и тех же учебников и руководств, на наш взгляд, следует искать не в каких-то внешних по отношению к теоретической медицине обстоятельствах, а в особенностях самого курса. Эти особенности заключались прежде всего в том, что, помимо единого для всех теоретических врачебных наук метода научных исследований, все они исходили из какой-то одной основополагающей умозрительной идеи, на которой потом строилось знание всей теоретической медицины. Таких идей, или точнее концепций, на протяжении XVIII века было высказано несколько, что и привело к существованию в тот период целого ряда различных, порой диаметрально противоположных, учений или, так называемых, медицинских систем. Эти системы были названы впоследствии по именам их создателей — учения Бургаве, Гоффмана, Шталя, Куллена и ряд других.

Но поскольку эти учения распространяли свое влияние не только на теоретическую, но и на практическую медицину и носили наддисциплинарный характер, мы, рассматривая в настоящей публикации только теоретическую медицину, умышленно ушли от анализа медицинских систем XVIII века в ходе обсуждения вопросов состояния теоретической медицины в Европе. Здесь же мы упомянули о медицинских системах XVIII века с тем, чтобы показать невозможность, в условиях существования нескольких различных теорий медицины, нескольких непримиримых научных лагерей, преподавания, например, патологии по Бургаве (или его последователям — Гаубу, Людвигу и др.), а терапии по Гоффману или Куллелу. Это положение не распространялось только на физиологию в последние десятилетия XVIII века, поскольку, как уже говорилось, она выделилась из теоретической медицины и противостояние априорных умозрительных концепций перестало иметь в этой области научных исследований существенное значение. Что же касается патологии, терапии и практической медицины, то необходимость выбора для всех этих дисциплин единой теоретико-практической системы сохранялась и в первой половине XIX века. Не случайно их преподавание на медицинском факультете Московского университета до 1835 г. велось в рамках единой кафедры патологии, терапии и клиники.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о причинах постоянства основных источников для преподавания теоретических врачебных наук на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке, можно утверждать, что смена учебника по какой-либо одной из дисциплин (за исключением физиологии) была невозможна, а замена источника преподавания всех теоретических врачебных наук была равносильна смене основной идеологии и направленности всего учебного процесса. В случае отказа от учения Бургаве потребовалось бы пересмотреть источники преподавания дисциплин и других профессорских курсов, прежде всего химии и практической медицины. Теоретически это, конечно, было возможно, но практическое осуществление такой реорганизации учебного процесса было абсолютно нецелесообразным. Трудностей и проблем в XVIII веке хватало на медицинском факультете Московского университета и без того, чтобы переводить бесконечные научные теоретические споры сторонников различных европейских медицинских учений в плоскость не самых простых организационных решений.

⁵¹Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 165.

⁵²Мейер-Штейнег Т., Зудкоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 371—372.

⁴⁴Там же. — С. 124.

⁴⁵Там же. — С. 118—129.

⁴⁶Там же. — С. 93.

⁴⁷Там же. — С. 100.

⁴⁸Цельс А. К. О медицине. — Кн. 1. — М., 1959.

⁴⁹Подробно о позиции И. Х. Керштенса и И. Ф. Эразмуса, а также о их заслуге в организации преподавания курса теоретической медицины см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в 1764—1765 годах // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. V. — 1995. — С. 151—198.

⁵⁰Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание анатомии, хирургии и акушерства на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. V. — 1995. — С. 93—135.

При этом, хотя учение, по которому велось преподавание теоретической медицины в Московском университете, было создано Г. Бургаве в начале XVIII века, оно и во второй половине столетия не утратило своей значимости. Несмотря на то что медицинские системы XVIII века были в значительной степени противопоставлены друг другу, ни одна из них не смогла вытеснить другие и завоевать всеобщее признание. Идеология учения Г. Бургаве использовалась для преподавания теоретических врачебных наук во второй половине XVIII века и в целом ряде европейских университетов.

Что же касается новых открытий и экспериментальных данных, накапливавшихся в европейской медицине на протяжении XVIII века, то их внедрение в учебный процесс зависело только от осведомленности профессора, читавшего курс. Величие Г. Бургаве заключается не только в том, что ему удалось систематизировать практически все существовавшие к началу XVIII века представления и фактический материал и на их основе создать целостную теорию, но и в том, что с ее помощью на протяжении почти столетия удавалось объяснять и истолковывать многие вновь обнаруживаемые данные. И надо полагать, что профессора теоретической медицины Московского университета стремились это делать. Во-первых, об этом свидетельствуют указания в расписаниях лекций на то, что, помимо основного источника, будут использоваться "притом и другие в сих частях Медицины славные авторы"⁵³. А поскольку они даже не названы, то, по-видимому, служили лишь дополнением и именно в вопросах нового фактического материала.

⁵³Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 126.

Другим подтверждением, на наш взгляд, может служить практически полный отказ в конце 80-х — начале 90-х годов от учебников Х. Г. Людвига в пользу "Institutiones medicae in usus annuae exercitationis domesticos digestae" Г. Бургаве. Система учебников Х. Г. Людвига, хотя и представляла собой по существу переложение учения Бургаве на составные части в соответствии с предметами изучения формировавшихся самостоятельных теоретических врачебных наук и ряда практических медицинских дисциплин, носила ярко выраженный дидактический характер. Все его учебники (и это видно из их названий) были предназначены для использования в учебном процессе на медицинских факультетах. Именно поэтому они с первых лет стали использоваться в Московском университете, где уровень подготовки и профессуры, и студенчества в первые десятилетия работы факультета был еще недостаточно высок. Но в 80-х годах упрощенный, дидактический характер изложения, по-видимому, уже начал мешать профессору при чтении теоретической медицины, в задачи которого входило объяснение новых данных с позиций учения Бургаве. В 1786/87 учебном году М. И. Скиадан, прошедший хорошую подготовку в Лейденском и Венском университетах, вводит преподавание теоретических врачебных наук в рамках курса теоретической медицины по руководству Г. Бургаве, а учебники Х. Г. Людвига продолжали использоваться лишь Ф. И. Барсук-Моисеевым, читавшим в должности экстраординарного профессора физиологическую семиотику и диететику⁵⁴, т. е. дисциплины, носившие в большей степени описательный, нежели объяснительный, характер.

⁵⁴Там же. — С. 110—129.